

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

(Извлечено из бумаг Е. В. Пеликана)

(1858-1878)

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 т.
М., Правда, 1989;
Том 7, с. 408-420.
Origin: Библиотека Якова Кротова
www.krotov.info

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В нынешнее время часто доводится слышать сильное негодование, если какое-нибудь из ряда выходящее происшествие остается без скорого и удовлетворительного разъяснения его причин. Это сейчас же ставится в вину порядкам нового судопроизводства и еще чаще в вину тем людям, которые нынче производят следствия, и тем, которые совершают суд по законам императора Александра II. Думают, - и таких людей не мало, - что ранее, т. е. до введения новых судов, дела будто бы шли лучше, т. е. скорее, строже и справедливее. Такое мнение не только существует в темном простонародье, но оно даже без стеснения высказывается и в известных органах периодической печати, руководимых образованными людьми. Последнее, в свою очередь, раздражает и сердит людей, сохранивших верное воспоминание о прежнем следственном и судебном процессе. Это раздражение понятно, но гнев все-таки неуместен. Напротив, кажется, надо радоваться, что если уже есть в обществе такое странное мнение, то пусть оно не таится, а находит себе свободное выражение в печати. Печать лучше, чем что-либо иное может послужить сверке и оценке всяких мнений - как ошибочных, так и обстоятельных.

Одним из лучших способов для этого служат сравнения, которых много можно привести из так называемых "памятей" о делах "доброго старого времени".

Разумею не то настоящее "старое время", каким почитается в нашей истории до-Петровский период, а собственно время, предшествовавшее введению судебной реформы, которое нынче часто тоже называют "старым".

Любопытные сборники Любавского не богаты материалом для истории о делах угасших. Очень может быть - там нет никаких дел, потому что во время составления сборников Любавского никому из наших русских современников еще не приходило на мысль искать идеала правосудия в старинном судебном порядке, не предвиделось и того, что скоро может представиться надобность доказывать несостоятельность следственного процесса в дореформенное время. Иначе, вероятно, в уголовных сборниках нашли бы место образцы, которые способны каждого удивить и поразить своею оригинальностью и маловероятностью. Таких дел особенно много по группе убийства помещиков крепостными людьми и обратно, и не менее их еще, например, по истреблению казенных лесов. В ранней моей молодости я помню, как в Орле, кажется, около четырнадцати лет, производилось дело о вырубке казенного леса в Карачевском или в Трубчевском уезде. В этом преступлении и грабеже казны на огромную по-тогдашнему, сумму подозревался и изобличался местный лесничий по фамилии Красовский, - человек уже очень старый, набожный и постник, джентльмен, с совершенно белой головою, всегда тщательно выбритый и причесанный.

Я помню, когда его водили из острога с двумя часовыми мимо так называемого губернаторского сада, где я играл во дни моего детства.

Красовский ходил с часовыми очень спокойно, ласково улыбался знакомым и почему-то *благословлял детей!*.. Он жил в орловском остроге более десяти лет, и жил настоящим тюремным аборигеном или даже патриархом. Когда в Орле была впервые прочтена "Крошка Дорит", то многие говорили, что старый отец маленькой Дорит, живущий в тюрьме и там лицемерствующий, точно будто списан Диккенсом с орловского острожного патриарха - Красовского.

Красовский, так же как и герой Диккенса, получил вес и значение в тюрьме; он славился своим благочестием и скупостью; имел нравственное влияние на заключенных и на охранителей, и довел двух прислуживавших ему арестантов из простонародья до того, что они сделали покушение задушить его за скупость, и за то наказаны плетью и сосланы в каторгу.